

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIII

Buenos Aires, martes, 28 de marzo de 1961

Буэнос Айрес, вторник 28 марта 1960 года № 583

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

159. ХРУЩЕВ ПЕРЕХОДИТ ОТ УГРОЗ К РАСШВЫРИВАНИЮ ОРДЕНОВ. — СОЗДАНИЕ ГОСУД. КОМИТЕТА ЗАГОТОВОК ВО ГЛАВЕ СО СВИРЕПЫМ НИК. ГРИГ. ИГНАТОВЫМ. — ТРАВЛЯ КОЛЛАБОРАНТОВ, КАК ПРИЕМ ПРОПАГАНДЫ НА ЗАПАДЕ. — ТАЛАНТЛИВАЯ ПОВЕСТЬ АЛ. ЛЕБЕДЕНКО ИЗ ЖИЗНИ СТОЛИЧНОЙ МОЛОДЕЖИ “ОШИБКА В ПУТИ”. — ТРИ СОВЕТСКИХ ПАТРИАРХА ПРЕКЛОНЯЮТСЯ ПЕРЕД ХРУЩЕВЫМ. — КОНЧИНА МИТРОПОЛИТА СТЕФАНА ХАРЬКОВСКОГО И БОГОДУХОВСКОГО. — ЛЖИВАЯ БИОГРАФИЯ МИТР. ГУРИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО И ЛАДОЖСКОГО

Для поднятия своего личного престижа и снятия с себя ответственности за срыв сельскохозяйственных планов, Хрущев прибегает не только к гневным разоблачениям им же натасканных обманщиков и очковтирателей, но и к раздаче наград и комплиментов всяким дояркам, свинопасам и трактористам, а, еще более, мелким местным партийцам, которых пока не уличили еще в представлении заведомо ложных отчетов.

1-го марта он прилетел из Москвы в Свердловск, в сопровождении заместителя председателя Бюро ЦК по РСФСР Гени. Ив. Воронова и председателя совета министров РСФСР Дм. Ст. Полянского. Отметим, что Воронов вводит новую моду: носит под пиджаком русскую косоворотку, с вышитым воротником, вместо мягкой рубашки с галстуком, которую носят все члены президиума ЦК и секретари ЦК. Возможно, если он пойдет в гору, то в высоких сферах партии откажутся от западного обычая одевать галстук.

На собрании “передовиков” Хрущев вручил орден Ленина за “хозяйственные успехи” своему любимцу кандидату президиума ЦК и первому секретарю Свердловского Обкома Андрею Павловичу Кириленко и расцеловался с ним и с председателем Облсполкома К. К. Николаевым. Там он произнес, 2-го марта, восторженную речь, где благодарил за выполнение плана по сельскому хозяйству и просил “не зазнаваться” и не срывать темпов работы в дальнейшем.

4-го марта утром Хрущев покинул Свердловск и полетел в Курган вручать орден Ленина “за успешное выполнение обязательств по продаже государству в 1959 году 90 милл. пудов хлеба. Здесь уже несомненная передержка: выставляя напоказ успехи 1959 года, награду вручают через год с лишком, замазывая результаты сбора и сдачи зерна в 1960 году. Но там, в Кургане, Хрущев расточал улыбки и комплименты и целовался при вручении ордена с первым секретарем Обкома Геннадием Федоровичем Сизовым и председателем исполкома Фед. Конст. Князевым.

5-го марта Хрущев, с обоими подручными Вороновым и Полянским, уже посетил заводы Новосибирска; 6-го марта там открыто совещание “передовиков” Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Томской, Омской, Иркутской, Кемеровской, Тюменской и Читинской областей, Бурятской и Якутской автономных республик и Тувинской автономной области (аннексированный в 1944 г. Урянхайский край). Сюда были вызваны из Москвы министр сельского хозяйства РСФСР Д. С. Сотников и редакторы “Правды” П. А. Сатюков и “Известий” — зять Хрущева, А. И. Алжубей.

В Новосибирске Хрущев задержался и сюда привез ему на самолете собственноручное письмо президента Кеннеди американский посол Ллевеллин-

Томпсон, что подняло престиж Хрущева — “послы гоняются за мной с письмами президентов Западных Держав по Сибири”. С послом Хрущев беседовал больше двух часов и продолжал разговор за завтраком, на который пригласил его к себе “на дачу” под Новосибирском.

Наряду с пропагандой, идет и ломка государственного аппарата, не справившегося с задачей поднятия сельского хозяйства. 26-го февраля опубликовано решение ЦК и совета министров СССР создать, “на базе” прежнего Госуд. Комитета по хлебопродуктам, новый громоздкий орган “Государственный Комитет по заготовкам при совете министров СССР”, во главе которого поставлен один из самых свирепых чекистов — заместитель председателя совета министров СССР и член президиума ЦК Николай Григорьевич Игнатов. Назначение 60-летнего чекиста, который смолоду (в 1921-32 г. г.) провел 12 лет на работе в ВЧК-ОГПУ, сам приводя в исполнение подписанные им же смертные приговоры, означает введение режима террора среди подчиненных ему работников. Его первым заместителем назначен прежний министр, а затем председатель Комитета по хлебопродуктам, украинец Леонид Романович Корниенко, который в годы ежовщины выдавал своих украинцев на расправу Хрущеву и в награду был “выбран” преемником многолетнего “всеукраинского старосты” Ал. Григ. Петровского; с 1954 года он сменил роль украинского президента на министра СССР, но при Сталине был членом ЦК в 1952-1956 г. г., а при Хрущеве переизбран лишь кандидатом ЦК. Игнатов и Корниенко должны организовать Государственную Инспекцию по закупкам, которая будет вести на местах закупки по контрактам на 2-5 лет, с разбивкой закупаемого контингента по годам и выдачей авансов под закупаемые продукты; инспекторы должны следить за количеством и качеством зерна, упитанностью сдаваемого скота и его живым весом, содержанием жира в молоке, качеством мяса, яиц, живой и битой птицы, шетны, конского волоса, пуха, пера, овощей и фруктов. Забавно, что в постановлении предусмотрены постоянные разъезды инспекторов, для чего отпускается один автомобиль на трех инспекторов, которые им пользуются по очереди, но обязаны уметь им управлять. Это первый случай, когда от советского чиновника требуется законом уметь управлять автомашиной, но “обезличка” при пользовании тремя лицами приведет к частым поломкам; невозможность снабжения машины каждого инспектора при больших разъездах показывает малое количество автомашин, несмотря на лживые статистические о них данные.

В целях приобретения популярности в западном мире и в еврейских кругах,

столь влиятельных в Соед. Штатах, Хрущев прибег к новому хитрому приему; не устраивая процессов немцев, чтоб не раздражать Зап. Германию, перед которой он трусит, Хрущев решил устроить серию показательных процессов “коллаборантов”, обвиняемых в убийстве евреев и всяких врагов Германии в прошлую войну; этим достигаются сразу разные благоприятные большевистским палачам результаты:

1. Гнев населения СССР против доведшего его на 44-й год большевизма режима переключается на “коллаборантов”, обвиняемых в совершенно недоказанных “зверствах”.

2. Суд и расправа над антисемитами выбивает у врагов коммунизма козырь обвинения советского режима в антисемитизме и вызывает симпатии к советскому правительству в Израиле, в Соед. Штатах и среди влиятельных кругов в Западной Европе;

3. Обвиняя свои жертвы в расправах не только с евреями, но и с немцами-антинацистами, Хрущев надеется повысить свою популярность даже в Западной Германии среди враждебных нацизму правящих политических кругов;

4. Заставляя свои жертвы признаваться в убийствах англичан и французов, советские палачи надеются на сочувствие своим расправам в Англии и Франции;

5. Инсценируя первые процессы в Эстонии и Латвии, они стараются возбудить против балтийской антисоветской эмиграции общественное мнение Запада.

6-го марта в Таллине начался “показательный” суд против двух эстонцев: помощника коменданта лагеря “Ягала” в Эстонии Ральфа Герретса и охранника того же лагеря Яна Вийка; главный подсудимый начальник эстонской полиции и службы безопасности в период германской оккупации Айна Эрвин Мере судится заочно, ибо Великобританское правительство предоставило ему политическое убежище и отказало ему выдать. Подсудимые обвиняются в убийстве 125 тысяч эстонцев, евреев и военнопленных, а также арестованных немецкими властями польских и чехословацких партизан и германских коммунистов. Выходит, что из Германии привозили в концлагерь в Эстонию заключенных и здесь их массами убивали. Однако, значительное число заключенных партизан уцелело и было освобождено советскими войсками; на суде выступали свидетели, привезенные из Восточной Германии, Чехословакии и Польши, которые “опознавали” подсудимых. Чтоб уязвить Английское правительство, отказавшее в выдаче Айна Эрвина Мере, на суде утверждали, что из лагеря, якобы, убежали 5 британских летчиков, которые были сбиты германской артиллерией, перевезены почему-то в Эстонию, и оттуда благополучно убежали. Одно из обвинений, предъявленных подсудимым, заключается в том, что они разыскивали этих летчиков, что считается “военным преступлением”. После пятидневного разбирательства оба эстонца приговорены к расстрелу, как и заочно живущий в Англии Мере.

Советская печать сообщает, что предстоит еще серия подобных процессов, среди которых будут суды над уже отбывшими заключение после обманувшей их амнистии власовцами и казаками.

В февральском номере журнала “Нева” за настоящего год, помещена интересная повесть талантливого молодого писателя Александра Лебеденко “Ошибка в пути”, рисующая жизнь современной ленинградской молодежи.

Заслуженная школьная учительница, Наталья Михайловна Соколова, покинутая в молодости мужем-офицером, сошедшимся с вылечившей его от тяжелого ранения женщиной-врачом, воспитывает способного и красивого сына, прекрасного спортсмена, который знакомится на состязании с красивой спортсменкой Еленой Осмоловской, дочерью академика-лауреата. Молодые люди 19-ти лет оба влюбляются друг в друга; Сергей Соколов посещает дом Елены, которую балует много зарабатывающий отец и холит мать. Среди ее поклонников два приятеля-журналиста; они из ревности хотят отомстить Сергею и уговаривают Елену кататься вчетвером по окрестностям Ленинграда, которые Лебеденко прекрасно описывает. С болью в сердце читал я описание их поездки на Валаам, превращенный в “городок отдыха” для коммунистического актива. Везде три “кавалера” платят за Елену; но расходы, ничтожные для хорошо зарабатывающих журналистов, непосильны для получающего небольшие суммы от матери Сережи; они ему одалживают, а потом требуют от него возвращения долга. Мать не может дать ему 500 рублей, что он задолжал, и он в отчаянии принимает предложение встреченного ими на Валааме афериста продавать на “барахолке” на Обводном канале “дефицитные” товары: чехословацкие мужские жилетки и заграничные дамские блузки. Его арестовывает лейтенант милиции Гвоздев, которому он искренне рассказывает, как желанье бывать в обществе любимой им богатой Елены заставило его сделать долги, а потом пойти на нелегальную торговлю, чтоб расплатиться с долгами. Его отпускают до суда. Об этом узнает Елена и приходит в отчаянии к плачущей матери Сергея. Обе: мать и любящая ее сына девушка обещают друг другу сделать все, чтоб спасти Сергея от суда и дать ему счастье — “сделать так, как будто ничего этого не было”!

Помню живописных страниц, посвященных поездкам этих молодых людей в Пушкин (Царское Село), Петродворец (Петергоф), Пулковку, Юрки, Терриопки, вверх по Неве в Петрокрепость (Шлиссельбург), памятные мне по юношеским воспоминаниям, интересно описание этой полупривилегированной молодежи; юноши и девушки называют друг друга по имени и отчеству, не переходят сразу на “ты”, как делают рядовые комсомольцы; после состязания в беге Елена хочет показать Сергею, как у ней бьется сердце и прикладывает руку его к своей высококалорийной груди. “Павел покраснел до воротника рубахи и глаза его невольно занскарились. Елена строго посмотрела на него и отошла, оставив его в замешательстве”. В первый раз в советской повести встречаю подобную молодежь. Конечно, это привилегированный класс, который не едет на целину и умело избегает всяких мобилизаций в деревню, хотя числится в комсомоле.

В № 579 “Нашей Страны”, я говорил о тяжелом положении Патриархии после замены Г. Г. Карпова В. А. Куродовым; теперь по проверенным мною данным изложу ответные маневры патриарха для приобретения благоволения Хрущева и восстановления собственного личного авторитета.

Прежде всего укажу на изменения в личном составе правящей иерархии. 23-го ноября 1960 года имели место следующие перемещения:

1. Бывший архиепископ Алма-Атинский Иннокентий (в миру Иван Мих. Леоферов), 70-ти лет, пребывавший

“на покое” (болезнь? ссылка? тюрьма?) назначен архиепископом Калининским и Кашинским на кафедру, вакантную 8 месяцев после перевода епископа Феодосия (Погорского) в Пензу;

2. Епископ Михаил (Чуб), смещенный в прошлом году в Ижевск, утвержден епископом Казанским и Марийским после годичного управления епархией вместо отбывающего заключение архиепископа Иова (Кресовича).

3. Пресловутый председатель Отдела Внешних Сношений Патриархии Николай (Ротов), после управления вакантной Ярославской епархией, утвержден епископом Ярославским и Ростовским; не понимаю, когда он успел ею управлять, если в конце октября поехал на неделю в Париж и Женеву; в Париже он проверял работу митрополита Корсунского Николая (Еремина) и хиротонисал с ним и Василием Брюссельским (Кривошеиним) нового епископа Медонского Алексея (Ван дер Менсбрюге), которому поручена во Франции советская церковь галликанского обряда со службой на французском языке — ответ Патриархии на Восточный Обряд католиков.

4. Управление Харьковской епархией после кончины митрополита Стефана (об этом скажу потом) вверенное в октябре архиепископу Черниговскому Андрею (Суханко), передано теперь епископу Полтавскому Алипию (Хотовицкому).

Эти назначения показывают, как скудеют кадры иерархии из-за отсутствия разрешений Куроелова на новые хиротонии; поэтому Калининская кафедра была более полугода без епископа, вместо Стефана в Харьков не назначают епископа, а передают управление то Черниговскому, то Полтавскому архиереям, у которых остается забота о своей епархии, помимо Харьковской.

5. Управляющий делами московской патриархии пользующийся фавором властей епископ Пимен Дмитриевский (Извеков) возведен в архиепископы с оставлением в прежней должности. Он был 7-го ноября с патриархом и митрополитом Крутицким Питиримом на приеме в Кремле у Хрущева.

Интересным маневром Патриарха еще до поездки на Ближний Восток являлась его поездка в Тбилиси и Эчмиадзин в сопровождении митрополита Одесского и Херсонского Бориса (Вика) и своего секретаря Даниила Алексеевича Остапова. Последний в сущности является его келейником, но присутствует на всех приемах и дает знак посетителям

откланиваться, когда патриарх утомлен. В Патриархии Остапова в шутку прозвали Данило Московский и Всея Руси, намекая на его влияние на дряхлеющего физически при ясном уме патриарха.

21-го октября они втроем вылетели на самолете ТУ-104 и к вечеру были в Тбилиси, где их встретил Католикос-Патриарх всея Грузии Ефрем II, представитель совета министров Горделадзе и уполномоченный правительства по делам Грузинской Церкви М. В. Меквабишвили. Отслужив в соборе, посетив гору Св. Давида с могилы А. С. Грибоедова и дом-музей поэта Ильи Чавчавадзе на Военно-Грузинской дороге, патриарх 27-го октября полетел в Ереван вместе с Патриархом Грузинским Ефремом; они остановились в гостинице “Армения” и затем поехали в Эчмиадзин, где их чествовал молодой патриарх Вагген I. Последний устроил прием обоих патриархов у премьера Армянской ССР Антона Ервандовича Кочиняна 28-го октября. В тот же день после торжественной и обильной трапезы, с участием уполномоченного по делам Армянской Церкви при совете министров Армении С. Гаспаряна, три патриарха послали Хрущеву из Эчмиадзина телеграмму, в которой “возносят молитвы о мире всего мира, горячо приветствуют труды в защиту мира, понесенные возглавляемой Вами советской делегацией на Генеральной Ассамблее Объединенных Наций”. Кончается телеграмма так: “шлем Вам, высокоуважаемый Никита Сергеевич, испытанному и неутомимому деятелю в борьбе за мир во благо народов всего мира сердечное приветствие. Алексей Патриарх Московский и Всея Руси, Ефрем Второй, Католикос-Патриарх Всея Грузии, Вагген I, Верховный Патриарх-Католикос всех армян.

Эта телеграмма трех патриархов утешила безбожного Хрущева после его провала в Соединенных Штатах и расположит его мягче относиться к разлепным патриархам. В тот же день вечером Алексей и Ефрем II вернулись в Тбилиси, а на другой день они сделали визит председателю совета министров Грузии Гиви Дмитриевичу Джавахишвили, сделавшему карьеру на ликвидации “бериевцев”. В воскресенье, 30-го октября, патриарх Ефрем II устроил пышный прием в честь гостя; 31-го октября патриарх Алексей отбыл в Москву, где его на вокзале встретил с митрополитом Питиримом и заместителем Куроелова Петр Григ. Чередняк. Это уже маленький почет, ибо при вылете из Москвы в Тбилиси Куроелов никого не послал на аэродром провожать патриарха, которого он всячески рад унижить.

6-го октября скончался в Харькове митрополит Харьковский и Богодуховский Стефан (в мире Стефан Максимович Проценко), один из старейших сотрудников еще первого советского патриарха Сергея Старогородского. Он родился в 1889 году в Сумском уезде, прошел три курса Духовной Академии в Киеве и ушел в 1918 году в Нежинский историко-филологический Институт, который окончил в 1922 году. Под

влиянием известного впоследствии исповедника и многолетнего сидельца концлагерей архиепископа Черниговского Пахомия (я помню его по концлагерю Май-Губа осенью 1931 года) молодой историк стал сначала неженатым священником, а затем в том же году постригся в монахи. В 1926 году он поехал в Нижний Новгород, где еще до своей декларации 1927 года митрополит Сергей его хиротонисал во епископа Козелецкого. Через 8 лет он был перемещен в Чернигов, где следовал всегда за митрополитом Сергием в борьбе против обновленцев, самосвятств и, увы, потаенной Церкви, верной заветам Патриарха ТИХОНЫ. При приближении германских войск его эвакуировали и в 1942 году он был назначен в Уфу, откуда в мае 1944 года в завоеванную советскими войсками Полтаву. 22-го февраля 1945 года “за патриотическую деятельность” (сборы с вздохнувшего без большевизма населения на советские вооружения) получил крест на клобук. 5-го июня 1945 года переведен в Харьков, где правил епархией свыше 15-ти лет до своей кончины; в 1959 году возведен в митрополиты. Официальный некролог подчеркивает, что он 30 лет на Украине, в трудных условиях, боролся против обновленцев и самосвятств, но не добавляет, что за ним стояла поддержка митрополита Сергея и органов власти. Недаром Сталин пожаловал ему медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной Войне”. В последние годы владыка проводил покорно директивы партии и правительства; так, например, в 1950 году он выступал в Москве на трибуне Всесоюзной конференции защитников мира. Желая его похвалить, некролог говорит, что он служил по воскресеньям и в праздники, словно это не долг кажлого архипастыря. Поверим, что он утешал просителей, почему прослыл, по словам некролога “благодетельным владыкой”.

С понятным волнением смотрел я в № 12 “Журнала Московской Патриархии” за 1960 год (ни один орган советской печати не печатается и не доходит до нас с таким опозданием!) на дорогой мне по прошлым воспоминаниям портрет митрополита Гурия, с которым расстался почти 30 лет тому назад, осенью 1931 года, когда его переводили из концлагеря “Новая Биржа” под Май-Губой в концлагерь “Надвоица”, а я должен был ехать в арестантском вагоне на “Повенец” на второй участок Беломорстроя. Только по глазам, ласковым и умным, смог я его узнать; вместо небольшой белокурой бородки, которую позволили отпустить старому заключенному Егорову, теперь окладистая седая борода покрывает шею митрополита; на груди панягия, а из-под бороды на вороте виден академический значок. В этом номере напечатана его лживая биография, из которой все же узнал новую деталь его биографии, которую до конца проклятой войны, закрывшей на народе большевистское ярмо, правильное было бы назвать “житием”. Он, действительно, окончил Петровское Коммерче-

ской Училище, “у пяти углов”, как его называли тогда, сходя с трамвая и направляясь в Чернышев переулок, откуда входил он в училище. В 1912 году он поступил в Академию, а в 1915 году постригся вслед за родным братом своим, названным в монашестве Львом и кончившим жизнь исповедником в заключении. В 1917 году стал казначеем Лавры, в 1922 возведен в архимандриты, с 1925 года возглавил лаврскую киновию и богословско-пастырское училище, а с 1928 года Киевское подворье (Печерской Лавры), где служил молодой и скромный иеромонах Леонтий, впоследствии подвизник нашей потаенной Церкви, а ныне дорогой для нас и, верю, незабываемый митрополитом Гурием архиепископ Сантьягский и Чилиско-Перуанский, с которым нам довелось вспомнить блестящего и стойкого тогда архимандрита Гурия. Но дальше молчит советский журнал о том, как в апреле 1929 года арестован архимандрит за свои доклады на богословские темы в нелегальном кружке “Воскресение”, руководимым умершим в 1935 году в концлагере философом Алекс. Алекс. Мейером. Лично я получал духовное утешение у союзника нашего в концлагере Лей-Губа, потом на Шавани и на Сегеже. Биография лживо утверждает, что он в 1933 г. “ушел на покой”, на самом деле он был в заключении с весны 1929 года и, возможно, в июне 1933 года по случаю открытия Беломорского канала освобожден из лагеря, чтоб итти в ссылку. Ему тогда настолько не доверяли чекисты, что, несмотря на его следование за митрополитом Сергием во имя нерархической дисциплины и борьбы против Ватикана (как он мне объяснял), отправили его в ссылку в Узбекистан. Это для меня стало ясно из дальнейшего изложения биографии, где сказано, что после 12-ти лет пребывания на покое (ссылка или новое заключение), он в 1944 году стал настоятелем Покровского Собора в Самарканде; значит, лишь после победного наступления большевиков и их западных союзников ссылкеному архимандриту, пребывавшему в голь войны в мусульманском Самарканде, разрешили впервые служить. Одновременно он начал “выполнять обязанности секретаря Епархиального Совета Ташкентской епархии”. Лишь после заключения перемирия упоенный победой и воспеваемый патриархом Алексием Сталин позволил в 1945 году вызвать архимандрита из Самарканда и назначить настоятелем вновь открытой Троице-Сергиевой Лавры, куда он перенес из музея уголовного розыска “экспонат попковского обмана” — дорогие нам святые мощи прелодобного Сергея Радонежского и полтора года трудился над восстановлением поруганных храмов обители, которые сейчас помогают обманывать приезжающих иностранцев показным процветанием Православной Церкви под пятой Сталина, Маленкова, Булганина, а ныне Хрущева.

Далее уже биография не врет: в августе 1946 года Гурий хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского и на семь лет отправлен в “почетную” на этот раз ссылку в Ташкент,

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Доктор медицины с дипломами двух университетов: Бухарестского и Розарио (говорит по-русски).
Лечение и удаление (без боли) и протезирование зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субterraneo “Пуэйредон” по линии Федерико Лакросе).

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Однако, лагерь все-таки был еще слишком близко. Как мы ни были утомлены, мы прошли около часу на запад, набрели на глубокую и довольно широкую внизу расщелину, по дну которой переливался маленький ручеек, и с чувством великого облегчения сгрузили наши рюкзаки. Юра молниеносно разделся, влез в какой-то омуток ручья и стал смывать с себя пот и грязь. Я сделал то же — разделся и влез в воду; я от пота был мокрым весь, с ног до головы.

— А ну-ка, Ва, повернись, что это у тебя такое? — вдруг спросил Юра, и в голосе его было беспокойство. Я повернулся спиной...

— Ах, чорт возьми. И как же ты этого не заметил?... У тебя на пояснице — сплошная рана...

Я провел ладонью по пояснице. Ладонь оказалась в крови, и по обеим сторонам позвоночника кожа была сорвана до мышц. Но никакой боли я не почувствовал раньше, не чувствовал и теперь. Юра укоризненно суетился, обмывая рану, прижигая ее иодом и окручивая мою поясницу бинтом — медикаментами на дорогу мы были снабжены неплохо — все по тому же “блату”. Освидетельствовали рюкзак. Оказалось, что в спешке нашего тайника я ухитрился уложить огромный кусок торгсиновского сала так, что острое ребро его подошвенной кожи во все время хода

было меня по пояснице, но в возбуждении этих часов я ничего не чувствовал. Да и сейчас это казалось мне такой мелочью, о которой не стоит и говорить.

Разложили костер из самых сухих веток, чтобы не было дыма, поставили на костер кастрюлю с гречневой кашей и с основательным куском сала. Произвели тщательную ревизию нашего багажа, беспощадно выкидывая все то, без чего можно было обойтись, — мыло, зубные щетки, лишние трусики... Оставалось все-таки пудов около семи...

Юра со сладострастием запустил ложку в кастрюлю с кашей. — Знаешь, Ватик, ей-Богу, неплохо...

Юре было очень весело. Впрочем, весело было и мне.

Поев, Юра с наслаждением растянулся во всю свою длину и стал смотреть в яркое, летнее небо. Я попробовал сделать то же самое, лег на спину — и тогда к пояснице словно кто-то прикоснулся раскаленным железом. Я выругался и перевернулся на живот. Как это я теперь буду тащить свой рюкзак?

Отдохнули. Я переконструировал ремни рюкзака так, чтобы его нижний край не доставал до поясницы. Вышло плохо.. Груз в четыре пуда, помещенный почти на шее, создавал очень неустойчивое положение — центр тяжести был слишком высоко, и по камням гранитных россыпей приходилось итти, как по канату. Мы отошли версту от места нашего привала и стали устраиваться на ночлег. Выбрали густую кучу кустарника на вершине какого-то холма, разостлали на земле один плащ, прикрылись другим, надели накомарники и улеглись в надежде, после столь утоми-

тельного и богатого переживаний удовольствия. Но со сном не ров, весьма разнообразных по ковых по характеру опустились. Эта мелкая сволочь залезала в валах в уши и в нос, миллионы над нашими лицами. Мне то внях жить вообще нельзя и нрез несколько дней мы этой св всему привыкает человек — и распухшими, как тесто, поднявши.

Так промучились почти всю всякую надежду на сон, навьючи в предрассветных сумерках по лось еще одно непредвиденное нут ходьбы брюки промокли на зывали каждый шаг. Пришлось

Невыспавшиеся и усталые, мы вышли на какое-то покрытое тум го, увязая по бедра в хлюпающе кой-то гребень. Солнце взшло, зу расстилалось крохотное озер совсем домашнее, словно нигде

— В сущности, теперь бы Юра. Забрались в кусты, разложи взором какого-то открывателя А

Н. Потоцкий

ВПЕРЕД К МОНАРХИИ!

Нужно отдать справедливость "Новому Русскому Слову": стоя в идейном отношении на таких же республиканско-демократических позициях, как парижская "Русская Мысль", его редакция проявляет гораздо более широкое понимание и приложение к жизни одного из узурпированных нашими доморощенными "либералами" принципов политического катехизиса, в данном случае принципа свободы слова, чем г. Водов: последний ни за что на свете не допустит напечатания в своем органе каких бы то ни было критических отзывов и непочтительных выпадов по адресу республиканской части нашей эмиграции и ее идейных установок, в то время, как на страницах "Н. Р. С." нередко можно встретить — и порою в весьма резкой форме — очень суровую критику этих "нетленных ценностей" и их, сплошь да рядом, лицемерных носителей.

Это обвинение в лицемерии отнюдь не голословно и может быть подтверждено многими примерами. Лозунг "свобода слова" был написан на знамени нашего, так называемого, "освободительного" движения, как один из наиболее ярких двигателей борьбы против "попранья гражданских свобод тиранической царской властью". Но когда главари борцов за этот и прочие подобные лозунги оказались вынесенными мутными водами Февраля на вершины власти, одной из их первых мер было немедленное закрытие всех монархических газет. А когда в эмиграции кое-кто из "февралей" получил от доверчивых либералов-американцев некоторое число миллиончиков на организацию чеховского издательства, то эти российские "либералы" на свой собственный принцип свободы слова наплевали весьма откровенно, отказавшись издать замечательные труды глубочайшего русского мыслителя И. А. Ильина и переиздать потрясающую книгу И. Л. СОЛОНЕВИЧА "Россия в концлагере" только потому, что оба автора были монархистами.

Вот почему я с превеликим удовольствием прочитал в статье Е. Петрова-Скитальца "Право на оптимизм" ("Но-

знакомый ему по надзору русских богоотступников-чекистов и относящихся к ним мягче их к ссыльному духовенству узбеков-отступников мусульманства. Там он возводится в архиепископы в январе 1953 года в Саратов, летом 1954 года переводится в Чернигов, где после гибели Сталина в "либеральную маленковщину" выпрашивает разрешение на перенос поруганных мощей Святителя Феодосия в кафедральный собор. В октябре 1955 года переезжает в Днепропетровск, а в мае 1959 года в Минск с возведением в митрополиты. Наконец, в сентябре 1960 года назначается в родной ему город, куда переезжает 6-го октября. Этот перевод сопровождается назначением его постоянным членом Синода. С восторгом встретила даства своего прежнего поведника, сменившего "скорбного главою" малообразованного Питирима, про которого говорили мне повидавшие его иностранцы, что он лишь оскаливается в широкой улыбке, когда с ним говорят не по-русски. Сколько духовного утешения принес новый митрополит разным старикам и старухам, которым посчастливилось после многих лет ссылки вернуться в родной город. Случайный намек в одном научном журнале позволил мне заключить, что сейчас в возрасте 72 лет в Ленинграде проживает духовная дочь Владыки, осужденная с ним на 5 лет и трогательно заботившаяся о нем в годы моего с ними обоими пребывания в концлагере.

Алексей Ростов

вое Рус. Слово" от 3 января с. г.) следующую строку:

"Республиканская часть эмиграции, не найдя позитивной программы будущего устройства, которое могло бы быть поддержано населением Сов. Союза, — устранилась на непредрешенческие позиции, что в нашей борьбе "смерти подобно". И стоит демократическая эмиграция, увешанная ветхими побрякушками отрицания, как базарная кликуша: "эй, братишка, дай-ка докурить; так жрать хочется, аж ночевать негде! Полный крах!"

Бьюсь об заклад, что г. Водов в своей газете таких оскорблений демократического величества не напечатает никогда, а вот для бесконечных статей с "русскими мыслями" какого-нибудь Вишняка, доблестно "драпанувшего" из-под знамен Учредилки, у него найдется десятки, если не сотни столбцов, так же, как и у г-жи В. Александровой находились денешки издавать вместо Ильина и Солоневича воспоминания одного из гробокопателей Национальной России, товарища Зензинова.

Напрасно, однако пеняет г. Петров-Скиталец на наших "демократов" за их полную импотентность в области создания позитивных программ. Откуда эти программы положительного созидательного, политического и социального творчества могут взяться у последней нашей "великого освободительного движения", отцы которого были способны либо на маниловские мечтания, либо на подлейшее лицемерие, либо на фанатизм откровенно-уголовных преступников? Какую позитивную программу могли создать причисленные к "лику святых либерализма" декабристы, когда, бросая клич о низвержении цепей крепостного рабства, на деле ни один из них не удосужился пойти навстречу приглашению Императора Александра I в Его указе о вольных хлебопашцах и освободить хотя бы своих собственных крестьян? Какую свободу могли они принести своему народу, когда их идейный вожак Пестель создал в своей "Русской Правде" — такой же "русской", как "Русская Мысль" г. Водова — "позитивную программу" самого откровенного полицейского государства? И не об этой ли свободе кричали и "бесы" Достоевского, эти дети Маркса и отцы Ленина, неся в действительности нашей Родине самые законченные формы рабства? Увы, г. Петров-Скиталец до сих пор, повидимому, не понял, что все эти "сеятель разумного, доброго и вечного", дошедшие до геркулесовых столбов отрицания, были органически неспособны к созданию позитивных программ, отвечающих основам русского народного духа и жизненным потребностям нашего народа. А потому и в эмиграции наши "февралей" оказались способными лишь на провозглашение подкрашенного и подмазанного социализма или на идейно пустопорожнее и гнилое непредрешенчество, в области которого с ними солидарными оказались, увы, и некоторые политически невежественные монархисты.

Приходится, однако, с сожалением констатировать, что и такой повидимому искренний русский патриот, как г. Петров-Скиталец, критикуя творческую безыдейность нашего "демократического" лагеря, не нашел ничего лучшего в области выработки "позитивной программы будущего устройства", как лозунг "советы без коммунистов". На первый взгляд эта основа положитель-

ной программы как будто бы неплоха; однако, при ближайшем анализе она выглядит чрезвычайно убогой и даже реакционной. Убогой, ибо содержит в себе только азы политического алфавита, не доходя до его "омеги". В самом деле, нельзя ничего иметь против того, чтобы проблемы местных нужд решались местными самоуправлениями, пусть называемыми даже советами, без наличия в них коммунистов. Ну, а дальше, выше? Верховный Совет? А еще выше? Избираемый им президент Российской республики? Но именно в этом пункте и проявляется подлинная реакционность этой "позитивной программы". А именно: так как г. Петров-Скиталец о составе советов без коммунистов не говорит ничего, то позволительно думать, что они будут, по его программе, составлены из представителей всех других партий. Значит, в Верховном Совете какая-то из них — или какой-то блок из них — будет иметь большинство. Значит, президент величайшей страны будет избранником, то есть фактически ставленником известной политической партии или комбинации из таковых. А если на состав местных советов и даже Верховного Совета будут влиять какие-то группировки крупного капитала или каких-нибудь "темных сил", то в этом случае президент будет практически ставленником этого капитала или этих сил — разумеется, под фасадом всяких прекрасных слов о "демократии", "народного волеизъявления" и прочих побрякушек.

Но почему же советы должны состоять обязательно из представителей политических партий, хотя бы и самых "приличных"? Не возврат ли это к учреждению, уже отжившему свой век и на деле доказавшему свое банкротство именно в приложении к жизни самых прекрасных "позитивных программ"? Почему органы местного и центрального народного представительства не будут лучше обслуживать интересы страны, если они будут составлены не по признаку политических партий, а по признаку привлечения в них лучших творческих элементов страны: представителей от земледельцев, рабочих, духовенства, тружеников умственного и художественного труда и т. п., то есть подлинной элиты Нации, ее творческого духа, творцов ее хозяйственного и экономического прогресса? И Главой этой Нации должен быть тоже "специалист", мастер своего дела, представитель того "цеха", который в течение столетий специализировался в живом и трудном деле управления государством, который с детства получил для этого блестящую и всестороннюю подготовку, который не зависит ни от какой партийной или социальной группировки, ни от каких трестов "помещиков и капиталистов", и который, поэтому, может ставить на первый план безусловного выполнения им своей главной функции, Верховного Арбитража, общенациональные интересы, подходя к ним при этом под углом столь дорогого нашим "демократам" и "либералам" примата духовного над материальным, но примата подлинного, а именно религиозно-нравственного сознания своего долга перед Всевышним за судьбы своего народа.

А если так, то мы должны с пригорбнем констатировать, что даже наиболее искренние из наших республиканцев, и в данном случае г. Петров-Скиталец, остаются в неведении относительно основных установок нашего Российского Народно-Монархического Движения. В той же своей статье он пишет: "Монархическая идея осталась (в эмиграции Н. П.) в виде националь-

но-православной непримиримости к событиям XX века в России и эмоциональное отношение к этим событиям окрашивает во вражеские цвета не только коммунизм и "феврализм" и не только дореволюционную либерально-демократическую мысль, но и русское простонародье, поддерживавшее Ленина в 1917 году. Короче говоря, правые не опираются на народ, а брюзжат на него. Зошениковские — "запсайтесь, дьяволы, гробами" — политическая позиция жалкая и монархизм самоустраниющая".

Характеризуя таким образом основные идейные установки зарубежного монархизма, г. Петров-Скиталец обнаруживает лишь свою недостаточную осведомленность в этом вопросе, ибо валит всех монархистов в одну кучу и притом такую, какая существовала этак лет 30 тому назад. Надо сказать правду, тогда, а в незначительной части монархистов и теперь, существовали и еще существуют тенденции в этом смысле, то есть прежде всего огульное обвинение всего русского народа, в том числе и "простонародья" в том, что он пошел за Лениным и его шайкой, что он до сих пор не сбросил советской власти и вообще превратился в какое-то стадо не то хамов, не то ловчил, которое придется перевоспитывать с применением весьма драконовских методов. Нечего греха таить, в глазах какого-нибудь "Союза дворян" и даже некоторых монархических группировок, состоящих из полтора десятка восьмидесятилетних кандидатов в губернаторы и земские начальники, наше РНМД является какими-то большевиками — так в свое время некоторые вельможи называли Императора Александра II "красным"!

Но маленькая передержка у г. Петрова-Скитальца все же тут есть. Неведомо почему он отделяет "феврализм" от "дореволюционной либерально-демократической мысли". Никакой разницы мы, народные монархисты, между ними не видим. "Дореволюционная либерально-демократическая мысль" в лице ее главных носителей типа Милюкова, а ныне Водовых и Вишняков, пылко стремилась именно к Февралю и из кожи лезла вон, чтобы его осуществить, и осуществила, воспользовавшись политической безграмотностью нашего высшего генералитета. А потому мы, действительно, непримиримы не только к коммунизму, но и к этой дореволюционной либерально-демократической мысли, которая стремилась оторвать наш народ от его органических путей исторического развития и навязать ему вот эти самые побрякушки: фальшивки свободы, равенства и братства, парламентаризм, демократию и проч. И, конечно, с национально-православной установкой мы непримиримы к тем событиям XX века в России, главные инициаторы и двигатели которых стремились увлечь наш народ на органически чуждые ему пути "рабского слепого подражания" уже духовно прогнившему и политически и социально обанкротившемуся Западу с его материализмом, арифметическим большинством голосов "народных избранников", а фактически политических шулеров, и с его приматом как раз материального над духовным. И мы абсолютно непримиримы ко всем тем политическим течениям, которые стремятся реставрировать эти отжившие свой век установки учреждения, ибо их поборники являются в наших глазах подлинными реакционерами и реставраторами тех начал и тех институций, которые были в прошлом привиты нашему народу путем обмана (как и Ленин обманул наше простонародье сво-

ими лживыми лозунгами), орудием которого был наш оторвавшийся от народных идеалов ведущий класс, то есть левая интеллигенция и "обработанная" ею часть аристократии и буржуазии.

И если основоположник нашего Движения И. Л. СОЛОНЕВИЧ завещал нам свой бессмертный лозунг: "Не назад к Монархии, а вперед к Монархии", то мы всем сердцем усвоили себе этот лозунг и боремся за его торжество в освобожденной от коммунизма России именно потому, что он означает для нас сущность подлинного **российского либерализма**, а не его милюковских и водовских подделок. Этот державный российский либерализм имел свои глубокие корни в нашем историческом прошлом. Мы находим его прежде всего в истинно-демократической внутренней политике наших Великих Князей и Царей: если земельный вопрос был на Руси всегда проблемой самой важной, то укажем г. Петрову-Скитальцу, что не мы, монархические "зубры", а один из его духовных соратников, социалист-революционер И. Бунаков-Фундаминский имел гражданское мужество сказать в своих "Путиях России", что "в борьбе за землю между богатыми и бедными Великие Князья, Цари и Императоры Российские были всегда на стороне бедняков" — можно ли после этого их не назвать настоящими либералами? Если слово либерализм значит стремление к свободе, к освобождению, то — страшно сказать! — не являлись ли подлинными либералами и Императрица Екатерина Вторая, и Императоры Павел Первый, и Его Сыновья, когда они всей душой стремились к освобождению крепостных крестьян — и только "тесною толпою стоявшие у трона" и опиравшиеся на гвардейские штывки отъявленные крепостники были препятствием к осуществлению Их благородных стремлений, за которые один из Царей заплатил и своей жизнью? И кто же был настоящим либералом: английский парламент, при наличии которого английские купцы в течение столетий торговали африканскими неграми, и американские архиреспубликанцы, которые этих негров покупали, или Император Александр Второй, который русское рабство уничтожил одним росчерком пера, в то время, как в архи-демократической заокеанской республике для этого понадобилось несколько лет кровопролитной гражданской войны? Не был ли подлинным оплотом либерализма Столыпин, этот верный слуга Самодержавной Монархии, освободивший — и притом при оппозиции "народных избранных" и при поддержке Самодержавца — российских крестьян от мертвящих цепей общины? Не доказал ли настоящее могущество подлинного либерализма Император Николай Второй, когда таким же росчерком пера нанес в 1914 году мощный удар развитию в народе алкоголизма и намеревался окончательно ликвидировать его после войны, в то время, как в самых демократических республиках мира и президенты, и парламенты по сей день остаются бессильными в борьбе с этой страшной проблемой, прогрессивное развитие которой содействует физическому и моральному вырождению их народов? Где же было больше подлинного демократизма и либерализма, в "великих" республиках, где до сих пор дети негров ходят в школу под охраной чуть ли не танков, или в "отсталой" Царской России, где можно было видеть премьер-министров армян, генерал-адъютантов грузин, генералов свиты Его Величества финнов, министров украинцев, молдован, греков, команду-

М. С. Кингстон

1861-1961 19 Февраля

Опубликование Манифеста об Освобождении крестьян от крепостной зависимости было приурочено Государем Императором АЛЕКСАНДРОМ II к дате, имеющей символическое значение — к последнему Воскресению перед Великим постом, то есть к "Прощенному воскресению", когда православные люди по всей России испрашивали друг у друга прощения, готовясь к покаянию и посту. Таким образом, как бы прощались все те прегрешения, вольные и невольные, которые помещики зачастую творили с подчиненными им крестьянами, пользуясь своей властью над ними и забывая, при этом, частенько свой христианский долг... Правда, — не все. Но... "Худая слава бежит, а хорошая лежит". Поэтому, невольно сложилось общее неприязненное мнение о помещиках-дворянах вообще, и это темное пятно легло невольно на всех — и на хороших и на худых.

В этом году отмечается дата столетия этого исторического события в России по всей Зарубежной Руси.

Наш Отдел Российского Народно-Монархического Движения в г. Сан Франциско отмечает это важное событие в нашей русской истории сегодня, так как именно с е г о д н я, в 1961 году, в день столетия, "Прощенное Воскресение" приходится на 19-е Февраля, и еще потому, что именно 19-го Февраля утром в 1861 году (ровно 100 лет назад), собственно говоря, и было завершено это святое дело — Освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Необходимо отметить, что это великое дело в России было в значительной мере — личным делом наших Державных Царей: — Царями было задумано и Царями проводилось. Окончательно проведено в жизнь оно было наконец-то, Императором Александром Вторым, после долгих, упорных и мучительных лет борьбы с окружающей средой и с существующими многими другими в те времена преградами...

Это была — издавна лелеянная мечта — облегчить участь крестьян.

Я попытаюсь, по возможности, в кратких чертах обрисовать всю картину заповедания идеи освобождения

крестьян и проведения этой идеи в жизнь нашими Императорами.

купчих Островского, как в свое время имел это мужество Лев Тихомиров, они могли бы оказаться ценными сотрудниками народных монархистов в деле подготовки той Монархии, которая является для нас символом подлинного духовного и материального прогресса нашей страны. Даже идеологи ЦОПЭ признали, что последние годы перед революцией были годами невиданного духовного и хозяйственного прогресса нашей Родины. Что же, Монархия тормозила этот прогресс, подписывая указы о винной монополии, а затем о запрещении продажи водки, об освобождении крестьян от общины, о строительстве Великого Тихоокеанского пути, о стабилизации русского рубля, об открытии новых учебных заведений, о постройке новых дредноутов и проч., и проч.?

Февральский переворот сорвал этот прогресс, украв у Русского народа неминуемую победу над внешним врагом и дальнейший державный ход России на первое место в мире. Этот ход вперед обеспечит нашей стране только Новая Народная Монархия. Ее установление, Ее торжество будет проявлением подлинного и самого возвышенного и в то же время абсолютно конкретного демократизма и либерализма во всех областях народной жизни. Вот почему на нашем знамени мы пишем, с полным сознанием нашего гражданского и исторического долга —

ВПЕРЕД К МОНАРХИИ!
Н. Потоцкий
(Окончание следует)

крестьян и проведения этой идеи в жизнь нашими Императорами.

Несмотря на массу различных преград, тормозивших это великое дело Царей — дело освобождения крестьян от крепостной зависимости, все же, свершилось у нас на Руси (и даже раньше, чем освободили негров в Соединенных Штатах), вопреки усиленным козням и каверзам заинтересованного слоя в продлении крепостного права и в продлении различных привилегий, данных когда-то этому слою, дошедшему, впоследствии, в своих чаяниях на власть даже до убийства ЦАРЕЙ...

Но Российские Императоры оказались на высоте своего положения и, хотя с трудом большим преодолевали все, но достигали желанной цели, так как благо народа было всегда для них главнейшей задачей и заботой. Цари любили простой и искренний народ, и русский народ любил своих Царей... Цари считали, что вся Россия — это один православный русский народ и не делили своей любви между существовавшими сословиями в России... Еще в 40-х годах XVIII столетия, в царствование Елизаветы Петровны, дочери Петра I, стали появляться у нас на Руси такие хорошие люди, каким был, например, знатный и образованный помещик Татищев, который, между прочим, первый начал писать русскую историю... В своем духовном завещании он указывает сыну, как управлять именем и крепостными крестьянами и советует ему всячески заботиться о крестьянах; учить их грамоте, держать в деревнях доктора, и чтобы в деревнях были обязательно аптеки и бани... Говорит о человеческом отношении к людям... Это были единцы в те времена... Но позднее, уже при Екатерине Великой, стали появляться такие просвещенные люди чаще, которые поговаривали уже о возможности уничтожения крепостного права.

Во все царствование Екатерины Великой идет обсуждение того, как бы приступить к облегчению участи крепостных. Да и сама Екатерина Великая была противницей крепостного права. Она мечтала освободить всех крестьян от крепостной зависимости в начале своего царствования, но сделать этого так и смогла. Во-первых, — не встретила полного сочувствия своему плану в среде многих своих приближенных и, во-вторых, — позднее взгляды самой Императрицы резко изменились, вообще, после Пугачевского бунта: она решила, что простой русский народ еще не может обходиться без опеки и вла-

сти дворян. И поэтому... будучи противницей крепостного права — с одной стороны, она, все-таки, не только не отменила его, а, наоборот, закрепила еще большее количество крестьян, раздав многие казенные земли с жившими на них государственным крестьянами (которые до этого считались людьми свободными) — в частную собственность помещикам-дворянам за разные их заслуги... Главным образом раздалась южные и западные области... Как было тяжело и почти невозможно, именно, невозможно, только по желанию Монарха освободить крестьян, доказывает нам кратковременное царствование ПАВЛА I...

Если Екатерина Великая только мечтала, то Император ПАВЕЛ I — первый из Императоров Российских, сделал резкий шаг вперед в деле освобождения крестьян и решительно повел борьбу с дворянством и с окружающими Престол... Твердой рукой этот Народный Царь, болейщик за судьбу своего простого народа, издал Указ о "Трехдневной барщине". По этому Указу крестьяне должны были работать на помещиков (то есть на своего барина) только 3 дня в неделю. Другие 3 дня — для себя, а 7-й день Господу Богу.

А в дальнейшем Он готовил даровать крестьянству российскому полное освобождение от крепостной зависимости. Но... коварное убийство этого Царя ближайшим же окружением лишило его возможности провести задуманную реформу, и дело освобождения крестьян было задержано еще на несколько лет. Проект же освобождения крестьян был Императором ПАВЛОМ I уже разработан, но не подписан Им...

Реформа эта не была угодна окружающей среде из дворян-помещиков, которые узрели в Акте Императора о "Трехдневной барщине", т. е. в уменьшении крепостной тяготы, своего рода "революцию сверху" и посчитали его, как бы ущемлением своих личных прав, на которые "посмел посягнуть" Царь! — на ограничение их власти!.. А со своей властью, привилегиями и правами они никак не желали расставаться... Этот слой тупо не сознавал того блага для Государства, которое ясно и отчетливо сознавали Самодержцы Российские, и не поддерживал Царей в их стремлениях улучшить быт крестьян, а, наоборот, все время вел противную борьбу — тайную и явную.

За заботу о крестьянах народ русский назвал Императора ПАВЛА I Н а р о д н ы м Ц а р е м, а приближенный слой осмелился убить Царя-болейщика за свой народ... Мотивы к убийству Государя, как видим, были самого низкого свойства: убийцы думали только о себе, а Ц а р ь заботился о благе всего своего народа.

Итак, — "тяжела была Шапка и бармы Мономаха" для Российских Императоров... Сложна была внутренняя обстановка, не менее сложной была и внешняя: у России всегда было много врагов.

К о п и я

П Р И К А З

Корпусу Императорских Армии и Флота
1-го марта 1961 г.

№ 65

§ 1

Генерального Штаба Полк. СЛЕЗКИН по болезни освобождается от должности Начальника Отдельного Района Корпуса И. А. и Фл. в Аргентине с 19-го февраля 1961 года.

Основание: Рапорт Ген. Штаба Полк. Ю. А. Слезкина от 19-го фев. с. г.

§ 2

Полковник КРЖИЖАНОВСКИЙ, Сергей Викторович, назначается Начальником Отдельного Района Корпуса И. А. и Фл. в Аргентине, с 19-го февраля 1961 года.

Основание: Рапорт Полк. С. В. Кржижановского от 19-го февраля с. г.

П. п. Командир Корпуса
Ген. Штаба Ген.-майор ОЛЕХНОВИЧ

Еще в 40-х годах XVIII столетия, в царствование Елизаветы Петровны, дочери Петра I, стали появляться у нас на Руси такие хорошие люди, каким был, например, знатный и образованный помещик Татищев, который, между прочим, первый начал писать русскую историю... В своем духовном завещании он указывает сыну, как управлять именем и крепостными крестьянами и советует ему всячески заботиться о крестьянах; учить их грамоте, держать в деревнях доктора, и чтобы в деревнях были обязательно аптеки и бани... Говорит о человеческом отношении к людям... Это были единцы в те времена... Но позднее, уже при Екатерине Великой, стали появляться такие просвещенные люди чаще, которые поговаривали уже о возможности уничтожения крепостного права.

Во все царствование Екатерины Великой идет обсуждение того, как бы приступить к облегчению участи крепостных. Да и сама Екатерина Великая была противницей крепостного права. Она мечтала освободить всех крестьян от крепостной зависимости в начале своего царствования, но сделать этого так и смогла. Во-первых, — не встретила полного сочувствия своему плану в среде многих своих приближенных и, во-вторых, — позднее взгляды самой Императрицы резко изменились, вообще, после Пугачевского бунта: она решила, что простой русский народ еще не может обходиться без опеки и вла-

сти дворян. И поэтому... будучи противницей крепостного права — с одной стороны, она, все-таки, не только не отменила его, а, наоборот, закрепила еще большее количество крестьян, раздав многие казенные земли с жившими на них государственным крестьянами (которые до этого считались людьми свободными) — в частную собственность помещикам-дворянам за разные их заслуги... Главным образом раздалась южные и западные области...

Как было тяжело и почти невозможно, именно, невозможно, только по желанию Монарха освободить крестьян, доказывает нам кратковременное царствование ПАВЛА I...

Если Екатерина Великая только мечтала, то Император ПАВЕЛ I — первый из Императоров Российских, сделал резкий шаг вперед в деле освобождения крестьян и решительно повел борьбу с дворянством и с окружающими Престол... Твердой рукой этот Народный Царь, болейщик за судьбу своего простого народа, издал Указ о "Трехдневной барщине". По этому Указу крестьяне должны были работать на помещиков (то есть на своего барина) только 3 дня в неделю. Другие 3 дня — для себя, а 7-й день Господу Богу.

А в дальнейшем Он готовил даровать крестьянству российскому полное освобождение от крепостной зависимости. Но... коварное убийство этого Царя ближайшим же окружением лишило его возможности провести задуманную реформу, и дело освобождения крестьян было задержано еще на несколько лет. Проект же освобождения крестьян был Императором ПАВЛОМ I уже разработан, но не подписан Им...

Реформа эта не была угодна окружающей среде из дворян-помещиков, которые узрели в Акте Императора о "Трехдневной барщине", т. е. в уменьшении крепостной тяготы, своего рода "революцию сверху" и посчитали его, как бы ущемлением своих личных прав, на которые "посмел посягнуть" Царь! — на ограничение их власти!.. А со своей властью, привилегиями и правами они никак не желали расставаться... Этот слой тупо не сознавал того блага для Государства, которое ясно и отчетливо сознавали Самодержцы Российские, и не поддерживал Царей в их стремлениях улучшить быт крестьян, а, наоборот, все время вел противную борьбу — тайную и явную.

За заботу о крестьянах народ русский назвал Императора ПАВЛА I Н а р о д н ы м Ц а р е м, а приближенный слой осмелился убить Царя-болейщика за свой народ... Мотивы к убийству Государя, как видим, были самого низкого свойства: убийцы думали только о себе, а Ц а р ь заботился о благе всего своего народа.

Итак, — "тяжела была Шапка и бармы Мономаха" для Российских Императоров... Сложна была внутренняя обстановка, не менее сложной была и внешняя: у России всегда было много врагов.

Далее, дело улучшения быта крестьян не оставляет и Император Александр I. Он издает закон "о свободных хлебопашцах"... Стали появляться такие помещики, как, например, гр. Румянцев, которые просили Царя по этому закону отпустить на волю своих крестьян, наделив их землей на известных условиях, или за выплату — по добровольному соглашению.

М. Кингстон
(Продолжение следует)

М. М. Спасовский

100-летие освобождения крестьян

ПИСЬМО ИЗ СИДНЕЯ

Никогда еще Российское Монархическое Объединение в Австралии не имело такого многолюдного и так блестяще им организованного Открытого Собрания, которым 5-го марта тек. года было отмечено в Сиднее 100-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости. И мало кто удивлялся такому пышному торжеству, ибо все собравшиеся знали, что своим живым участием пришли на помощь Совету Российского Монархического Объединения в Австралии все Национально-патриотические организации Сиднея в лице Австралийского Округа Корпуса Императорских Армии и Флота, Церковно-Приходского Совета и Сестричества нашего Кафедрального Св.-Петропавловского Собора, Союза Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II, Русского Клуба, Общеказачьей Станицы гор. Сиднея, Кают-Компании Императорского Флота и Общекадетского Объединения воспитанников Императорских Кадетских Корпусов. И все наглядно убедились, какую силу представляет Объединение национально-патриотических сил русского Зарубежья...

Собрание состоялось в 2 часа дня в обширном Прицерковном зале Собора после Божественной Литургии. Но и обширный зал не смог вместить всех собравшихся, многим пришлось стоять в проходах и у широко распахнутых дверей.

Программа собрания была насыщена исключительно богатым содержанием, — в нее входили и доклады известных здесь общественно-политических деятелей и концертные выступления местных звезд эрстического, оперного и драматического мира.

Очень красиво была декорирована сцена. На фоне громадного шелкового флага-штандарта и государственного герба Российской Империи высился на мольберте большой прекрасно исполненный портрет Государя Императора АЛЕКСАНДРА II, убранный белыми цветами, — вообще вся сцена была украшена белыми цветами в белых вазах и русскими национальными флагами. Все это — и портрет, и герб, и флаг, и цветы, и вазы — жертвенный труд супругов Т. Ф. и Г. А. Кропп, активнейших работников нашего Монархического Объединения в Австралии.

Дежурство на сцене и в зале несли наши русские скауты-разведчики.

Собрание открылось ровно в 2 часа дня исполнением, по установившейся традиции, английского национального

гимна юной скрипачкой Галей Солодчиной и на рояле г-жей Н. В. Блохиной-Баклицкой, проводившей своим этаким компаниментом все концертное отделение Собрания.

Вступительное слово произнес полк. А. Н. Стафиевский, председатель Российского Монархического Объединения в Австралии, энергией и предприимчивостью которого был так успешно разрешен трудный, хлопотливый и сложный вопрос организации данного Собрания.

В своем вступительном слове полк. А. Н. Стафиевский подчеркнул, что "только Самодержавная Монархия даст русскому земледельцу ту гарантию полной собственности на землю и на плоды своего свободного труда, которую не дадут и не могут дать ему никакие партии, и только Закононому Наследнику из Дома Романовых поверят русские трудящиеся массы, а не тем, кто принесет им новое партийное рабство под соусом очередной революционной болтовни... Мы, русские монархисты, зовем всех, кому дорога Историческая Россия, вернуться к заветам наших славных предков и на своих боевых знаменах гордо и открыто начертать священный лозунг — "ЗА ВЕРУ ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!"

Следующим говорил архимандрит Вениамин о влиянии Тургенева на развитие у Императора Александра II любви к своему народу. Свое слово о Вениамине закончил чтением Манифеста об освобождении крестьян. Национальный гимн — "БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!" в исполнении Гали Солодчиной на скрипке и Н. В. Блохиной-Баклицкой на рояле завершил официальную часть Собрания.

Далее с краткими докладами выступили два журналиста — М. М. Спасовский и А. Г. Макриди. Первый в очень сжатой форме изложил историю развития крепостной зависимости и процесса эволютивной ликвидации этой зависимости заботами Российских Императоров, и отменил, что "если бы не интриги, тормозы и посягательства западно-просвещенных московских и петербургских кругов, освобождение крестьян произошло бы на 70 лет раньше, то есть, не при Императоре Александре II, а при Императоре Павле I". Доклад М. М. Спасовского — "Крестьянский вопрос в Царской России" полностью напечатан в "Нашей Стране" № 579.

В противоположность первому докла-

ду, несколько сухому, носящему характер исторической справки документального порядка, речь А. Г. Макриди сверкала блестящими живыми примерами, остроумных сопоставлений и смелых оригинальных мыслей. Талантливый оратор так и начал:

— Говорить я собираюсь о крепостных, ставших миллионерами потому, что в отличие от иностранных, русские крепостные имели не только обязанности, но и права подобно тому, что помещики имели не только права на крепостных, но и обязанности по отношению к ним... Собираюсь говорить и о том, что для своего времени крепостное право в России было явлением прогрессивным не только в государственно-политическом смысле, но и в нравственном, потому что оно привело к смене холостству, в которое выродилось рабство... Скажу, что нам не нужно краснеть за свою историю, но, напротив, у нас есть основание гордиться тем, что крепостное право в России ознаменовалось меньшим злоупотреблением, чем в других странах и значительно большим проявлением человечности со стороны господствующего слоя российского населения...

Свою талантливую речь А. Г. Макриди закончил утверждением, что "если Император Александр II не пощадил своей жизни для осуществления заветов Своих царственных предшественников и ценой Своей личной жизни освободил крестьян, то сейчас, через сто лет после этого, нам-то уж во всяком случае Бог велел в меру сил, возможностей и талантов, во имя чести и достоинства России освободить правду о крепостном праве, — освободить ее из плена извечных врагов прошлого, настоящего и будущего России и русского народа. И что бы эти наши враги ни делали, как бы ни старались погубить окончательно Россию, мы уверены, что Россия освободит и себя и правду о себе в назидание потомкам не только своим, но и всего мира"...

Очень трогательно и мило закончил первую половину торжественного Собрания полк. В. А. Петрушевский, начальник Дальне-Восточного Округа Корпуса Императорских Армии и Флота, своим глубоко прочувствованным стихотворением. "Я о тебе хочу молиться, моя родимая страна", — говорит поэт, —

В потоке лжи по бездорожью,
Чтоб ты спаслась как спасся Ной,
Чтоб оценила Правду Божью,
Как самый ценный дар земной.

И верить хочется до боли,
Что загорится вновь заря, —
Заря счастливой русской доли
Под скиптром Белого Царя.

Все ораторы были награждены должными дружными аплодисментами.

Вторичное исполнение нашего национального гимна — "БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!" завершило деловую часть намеченной программы.

Требуется женщина для домашней работы в русскую семью. Отдельная комната и хорошее жалование.

Телефон 32-0136.

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие Друзья!

По милости Божией мое здоровье находится под знаком постепенного, но постоянного улучшения.

Найдено то средство, которого не хватало для нормализации работы сердца, вместо совершенно отвергаемого моим организмом дигиталиса. Теперь уже появляется прочная надежда на успешный исход лечения, хотя еще и очень рано говорить о сроках.

Благодарим Бога и шлем благодарность всем вам, оказывающим нам такую неоценимую помощь — и моральную и материальную — в нашей тяжелой борьбе.

Вс. Дубровский

После 10-минутного перерыва началось концертное отделение выступлением мужского хора под управлением Е. А. Подгайского. Умело подобранные голоса под опытным руководством провели свое исполнение в высокой степени красиво.

"Русские песни" Раисы Ярошевич, чтение Гоголевской "Тройки" Людмилы Корешевой и "Украинские песни" Тамары Чери послужили очень удачным переходом к выступлению инструментального трио Гали Солодчиной (скрипка), В. Н. Баклицкого (саксафон) и Н. В. Блохиной-Баклицкой (рояль), исполнивших "Романс" и "Элегию" Глинки. Нужно было видеть, с каким напряженным вниманием слушала многолюдная аудитория это удивительное трио, чтобы понять и оценить красоту его выступления.

Но гвоздем всей художественной программы концертного отделения была Татьяна Т. Тарас — примадонна Австралийской Оперы, обладательница чудного колоратурного сопрано. В ее пении чувствовались и великолепная постановка голоса (итальянская школа), и глубокое понимание музыки слова, и тонкая, едва заметная, но тем выразительнее игра в исполнении. Артистка исполнила только классические вещи, — арию Алтинды из оперы "Жизнь за Царя" Глинки, романсы "Не скажу никому" Ларгомыжского, "Уж ты, нива" и "Полюбила я на печаль свою" Рахманинова и "Русскую песню" Мусоргского.

Если сказать, что выступление Т. Т. Тарас вызвало восторг зала, то это будет слабо и неверно. Пение русской примадонны Австралийской Оперы подняло в душе русских слушателей глубоко взволнованные чувства: и восхищения, и благодарности, и гордости, и самого почтительного преклонения. Каждое выступление молодой, красивой и столь талантливой артистки сопровождалось взрывом аплодисментов и криков "браво" и "бис"...

С неизгладимым впечатлением прекрасного покидала в этот день публика Прицерковный зал нашего Собора, где она так близко соприкоснулась с исторической и культурной правдой и с красотой русских творческих дарований.

М. М. Спасовский

В воскресенье, 16-го апреля, в 17.30 час. в Салоне Консехо де Мухерес Чаркас, 1155

состоится

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ
ХОРА АРТИСТОВ п/упр. Д. М. АВРАМЕНКО

В программе русские народные песни и пляски.

нями дня, поспать в полное свое вышло ничего. Миллионы комкалкалибру, но совершенно одина на нас плотной густой массой. мельчайшие щели одежды, набинами противных голосов жужжагда казалось, что в таких условиях итти, нельзя спать... Чеволочи почти не замечали — ко пришли в Финляндию с лицами, ется на дрожжах.

ночь. Перед рассветом оставили или рюкзаки и двинулись дальше мокрой от росы траве. Выяснинеудобство. Через несколько мисковозь, прилипли к ногам и свититти в трусиках.

мы уныло брели по склону горы, маном болото, перешли через нейей жиже, снова поднялись на ка-разогнало туман и комаров; внирко, такое спокойное, уютное и в мире не было лагерей...

самое время поспать, — сказал или плащ. Юра посмотрел на меня Америки.

— А ведь, оказывается, все-таки драпанули, чорт его дер...
— Не кажи гоп, пока не перескочил...
— Перескочим. А ей-Богу, хорошо. Если бы еще по двухстволке, да по парабеллуму... вот была бы жизнь.

ПОРЯДОК ДНЯ

Шли мы так. Просыпались перед рассветом, кипятили чай, шли до 11 часов. Устраивали привал, варили кашу, гасили костер и, отойдя на версту, снова укладывались спать. На тех местах, где раскладывались костры, мы не ложились никогда: дым и свет костра могли быть замечены, и какой-нибудь заблудший в лесах активист, вынюхивающий беглецов, или урка, ищущий еды и паспорта, или приграничный мужик, отсеянный от всяких контрреволюционных плевел и чающий заработать куль муки, могли бы пойти на костер и застать нас спящими.

Вставали часов в пять и снова шли до темноты. Снова привал с кашей и ночлег. С ночными привалами было плохо.

Как мы ни прижимались друг к другу, как мы ни укутывались всем, что у нас было, мокрый холод приполярной ночи пронизывал насковозь. Потом мы приновились. Срезывали ножами целые полотнища моха и накрывались им. За ворот забирались целые батальоны всякой насекомой твари, хвои, комки земли, но было тепло.

Наш суррогат карты в первые же дни обнаружил свою полную несостоятельность. Реки на карте и реки в природе текли каждая по своему усмотрению, без всякого согласования с советскими картографическими заведениями. Впрочем, и досовет-

ские карты были не лучше. Для первой попытки нашего побега в 1932 году я раздобыл трехверстки этого района. Таких трехверсток у меня было три варианта: они совпадали друг с другом только в самых больших общих чертах, и даже такая река, как Суна, на каждой из них текла по-особому.

Но это нас не смущало: мы действовали по принципу некоего героя Джека Лондона: что бы там ни случилось, держите прямо на запад. Мы держали прямо на запад. Один из нас шел впереди, проверяя направление или по солнцу, или по компасу, другой шел шагах в двадцати сзади, выправляя мелкие извилины пути. А этих извилин было очень много. Иногда в лабиринтах озер, болот и протоков приходилось делать самые запутанные петли и потом с великим трудом восстанавливать затерянную прямую нашего маршрута. В результате всех этих предосторожностей — а может быть, и независимо от них — мы через шестнадцать суток петлистых скитаний по тайге вышли точно на намеченное место. Ошибка верст в тридцать, к северу или к югу могла бы нам дорого обойтись: на юге граница делала петлю, и мы, перейдя ее и двигаясь попрежнему на запад, рисковали снова попасть на советскую территорию и, следовательно, быть вынужденными перейти границу т р и р а з а . На трехкратное везенье рассчитывать было трудно. На севере же к границе подходило стратегическое шоссе, на нем стояло большое село Поросозеро, в селе была пограничная комендатура, стояла большая пограничная часть, что-то вроде полка, и туда соваться не следовало.

